

Аркадий РАЙКИН:

КАК Я СНИМАЛСЯ В КИНО

МНОГО раз меня спрашивали в частных письмах и через печать, почему я не снимаюсь в кино.

Сразу разрешая все противоречивые предположения, отвечу: не потому, что не хочу. Действительно, желание сняться в интересной роли, в интересном фильме, сделать что-то «навсегда» — естественное желание любого актера. Но я работаю в специфическом театре, отдал ему 28 лет жизни. Люблю играть для полного зала, смотреть в глаза своим зрителям, видеть их радость, их огорчение, слышать их смех, прислушиваться к сосредоточенной тишине. Я люблю также своих товарищей, судьба которых мне не безразлична. Некоторые из них работают в театре с его основания, другие — всего несколько лет. Если я «отлучусь в кино» на полгода (в лучшем случае), коллектив театра окажется в трудном положении. Чтобы этого не случилось, нужно как-то сочетать съемки со спектаклями, растянуть сроки сдачи картины, то есть «выйти из стандартов», принять специальное решение, создающее мне возможность сниматься. Таких задач перед собой никто не ставил...

Так и шли годы. Телевидение наспех выхватывало отдельные номера из моего репертуара. К сожалению, это почти всегда делалось невнимательно, на низком техническом уровне, иногда без моего ведома. Например, спектакль «На сон грядущий» тайком снимался на монитор во время передачи из зала. Снималось небрежно, без нужного освещения, как попало. По существу, это был

технический брак. Потом этот брак показывался на всех телеэкранах страны: я узнал об этом случайно...

Предложения сниматься от режиссеров кино я получал часто, но ни разу ни одна роль не увлекла меня так, чтобы мне захотелось работать в тех трудных условиях, о которых я уже говорил. Это были случайные роли в случайных для меня сценариях. Картина десятилетней давности «Мы с вами где-то встречались» тоже снималась поспешно, по недоработанному сценарию. Начиная ее один режиссер, кончал другой. Я долго не мог прийти в себя от суматохи, недисциплинированности, нервной атмосферы, которая сопутствовала съемкам этого фильма.

Плачевно кончались и предложения вместе работать над сценарием будущего фильма. Режиссер, не желая потом заниматься организационными вопросами, просто приглашал другого актера в сценарий, которому было отдано немало сил, времени и пьес из моего репертуара. Так было дважды. Делалось это опять «без уведомления», с последующими извинениями и словами раскаяния.

Как бы там ни было, такой печальный опыт, конечно, не спо-

собствовал особому рвению с моей стороны. Работа в театре целиком поглощала меня, и я не проявлял никакой инициативы для того, чтобы зафиксировать ее на пленке и вообще сниматься в кино.

Когда ко мне пришел В. Катанян, молодой режиссер-документалист, и предложил сделать фильм о моей работе, я наотрез отказался.

Театр делал новую программу. Я должен был работать с авторами, композиторами, художниками, режиссерами, репетировать один, с актерами, с пантомимой, играть в творческих вечерах на республиканских фестивалях, готовиться к поездкам в Румынию и Югославию, учить румынский, потом сербско-хорватский, ехать на гастроли в Баку и т. д., и т. п.

— Вот мы все это и снимаем, — невозмутимо сказал Катанян, — мы «пришьемся» к вам на столько, на сколько понадобится. Куда вы, туда и мы. Снимем ваш творческий быт. Не только искусство, но и как оно делается...

Я понял, что режиссер готов преодолеть любые трудности и сделать картину. И согласился.

Раньше чем приступить к съемкам, режиссер долго и внимательно присматривался к жизни театра. Он копался в архивах,

просматривал старые афиши, фотографии, программки, читал многочисленные письма, книги, искал в фильмотеках старые пленки. Потом он стал добиваться возможности снять те миниатюры, которые ему хотелось. А некоторые из них мы играли в текущем репертуаре и не могли их отдавать в кино — они сразу «амортизировались» бы. Спектакль идет три часа, а полнометражный фильм — полтора. В течение этого короткого времени надо было обо многом рассказать. Режиссеру казалось интересным все...

Наконец был написан сценарий. Одной из задач было сохранить атмосферу театра — кулисы, небольшую сцену, зал, реакцию публики. Хотелось, чтобы специфика кино не убивала театральную условность, а, наоборот, помогла бы ее раскрыть.

И вот на репетиции появилась киногруппа — около десяти (!) человек, чья творческая жизнь с этого времени должна была идти параллельно нашей.

Сначала это мешало. Труд актера можно разделить на две фазы: первую, которую не

должен видеть никто, и вторую, которую должны увидеть все. Присутствие посторонних людей на репетиции обычно тормозит, стесняет, нервнует. Но вскоре все привыкли и перестали замечать возню, жужжание аппаратуры, привыкли слушать короткие, твердые указания оператора, виртуозно владеющего камерой, — Оттилии Рейзман. Я всегда удивлялся ее умению подстеречь момент и снять на пленку такой эпизод, что потом недоумевал, когда это было.

Режиссера и оператора интересовало все. Они «прятались» за кулисами, снимая то, чего не увидишь на сцене, — последние приготовления актера, волнение его перед выходом и, наконец, технику трансформации.

Сама по себе трансформация в ее цирковой форме — ошеломляющее быстрое переодевание — не главная задача миниатюр этого жанра в нашем театре. Мне интересны главным образом внутренние мгновенные переключения из образа в образ. Это требует актерской техники, тренированности, немалой работы. В фильме мы решили показать, что в это время делается за кулисами. Показать и тех моих товарищей, которых никогда не видит зритель, и актеров, с удовольствием помогающих мне в этом сложном жанре.

Не знаю, как зрителям, а мне самому было очень интересно увидеть это на экране впервые. В фильм вошли поиски, варианты, находки, остающиеся «за сценой», — лаборатория творчества. Показаны и зрительные залы. Актер и зритель — части одного целого. Это целое называется театр. Актер и зритель помогают друг другу, сочувствуют, взаимно доставляют радость или огорчение. В первый раз я увидел лица своих зрителей крупным планом — каждое в отдельности. Могу сказать откровенно: они мне очень понравились!

Многое не вошло в фильм и осталось до следующего раза — мы решили продолжать наше сотрудничество.

То, что снято, через много лет вдруг приобретает особый интерес. Я, например, был поражен, увидев разысканный В. Катаняном кусок кинохроники времен Отечественной войны. Мы выступали на прифронтовом аэродроме под Новороссийском. Это было двадцать пять лет тому назад.

Где был оператор, я не помню. Но я сразу вспомнил этот концерт прямо на открытом воздухе. Вспомнил, как летчики во время моего выступления садились в самолеты и улетали на боевые задания. Аэродром жил своей жизнью. Эпизод, снятый неизвестным мне оператором, длится всего несколько минут, но в нем — часть большой фронтовой работы театра. Мы прожили в Геленджике, возле занятого врагом Новороссийска, несколько месяцев. Выступали перед моряками, летчиками, частями Красной Армии. Были у подводников, в отрядах торпедных катеров, у десантников, у легендарного, живого еще тогда, бесстрашного аса, героя Токарева, вскоре погибшего в бою... Многое вспомнилось мне в короткие минуты эпизода, мелькнувшего на экране. Вспомнил я, как мы играли на базе подплава и уже заканчивали спектакль, а нашу публику вдруг словно ветром сдуло — все побежали встречать товарищей, которых уже никогда не надеялись увидеть. Вернулась подводная лодка, пропавшая без вести. Она пролежала на дне, поврежденная глубинными бомбами. Но морякам удалось исправить повреждения и всплыть. Команда подлодки во что бы то ни стало хотела посмотреть спектакль. Мы ждали, пока ребята брелись и приводили себя в порядок. Наконец, они вошли в зал, очень бледные, но счастливые тем, что выполнили задание и остались живы. Как все кричали «ура», и мы в том числе, когда они появились в дверях! Мне кажется, что никогда я не играл с таким вдохновением, как в том концерте. И теперь все это пронеслось передо мной снова. Великое дело — кино!..

Аркадий РАЙКИН:

КАК Я СНИМАЛСЯ В КИНО

МНОГО раз меня спрашивали в частных письмах и через печать, почему я не снимаюсь в кино.

Сразу разрешая все противоречивые предположения, отвечаю: не потому, что не хочу. Действительно, желание сняться в интересной роли, в интересном фильме, сделать что-то «навсегда» — естественное желание любого актера. Но я работаю в специфическом театре, отдал ему 28 лет жизни. Люблю играть для полного зала, смотреть в глаза своим зрителям, видеть их радость, их огорчение, слышать их смех, прислушиваться к сосредоточенной тишине. Я люблю также своих товарищей, судьба которых мне не безразлична. Некоторые из них работают в театре с его основания, другие — всего несколько лет. Если я «отлучусь в кино» на полгода (в лучшем случае), коллектив театра окажется в трудном положении. Чтобы этого не случилось, нужно как-то сочетать съемки со спектаклями, растянуть сроки сдачи картины, то есть «выйти из стандартов», принять специальное решение, создающее мне возможность сниматься. Таких задач перед собой никто не ставил...

Так и шли годы. Телевидение наспешно выхватывало отдельные номера из моего репертуара. К сожалению, это почти всегда делалось невнимательно, на низком техническом уровне, иногда без моего ведома. Например, спектакль «На сон грядущий» тайком снимался на монитор во время передачи из зала. Снимался небрежно, без нужного освещения, как попало. По существу, это был

технический брак. Потом этот брак показывался на всех телеэкранах страны; я узнал об этом случайно...

Предложения сниматься от режиссеров кино я получал часто, но ни разу ни одна роль не увлекла меня так, чтобы мне захотелось работать в тех трудных условиях, о которых я уже говорил. Это были случайные роли в случайных для меня сценариях. Картина десятилетней давности «Мы с вами где-то встречались» тоже снималась поспешно, по недоработанному сценарию. Начал ее один режиссер, кончал другой. Я долго не мог прийти в себя от суматохи, недисциплинированности, нервной атмосферы, которая сопутствовала съемкам этого фильма.

Плачевно кончались и предложения вместе работать над сценарием будущего фильма. Режиссер, не желая потом заниматься организационными вопросами, просто приглашал другого актера в сценарий, которому было отдано немало сил, времени и пьес из моего репертуара. Так было дважды. Делалось это опять «без уведомления», с последующими извинениями и словами раскаяния.

Как бы там ни было, такой печальный опыт, конечно, не спо-

собствовал особому рвению с моей стороны. Работа в театре целиком поглощала меня, и я не проявлял никакой инициативы для того, чтобы зафиксировать ее на пленке и вообще сниматься в кино.

Когда ко мне пришел В. Катанян, молодой режиссер-документалист, и предложил сделать фильм о моей работе, я наотрез отказался.

Театр делал новую программу. Я должен был работать с авторами, композитором, художником, режиссером, репетировать один, с актерами, с пантомимой, играть в творческих вечерах на республиканских фестивалях, готовиться к поездкам в Румынию и Югославию, учить румынский, потом сербско-хорватский, ехать на гастроли в Баку и т. д., и т. п.

— Вот мы все это и снимаем, — невозмутимо сказал Катанян, — мы «пришьемся» к вам на столько, на сколько понадобится. Куда вы, куда и мы. Снимем ваш творческий быт. Не только искусство, но и как оно делается...

Я понял, что режиссер готов преодолеть любые трудности и сделать картину. И согласился.

Раньше чем приступить к съемкам, режиссер долго и внимательно присматривался к жизни театра. Он копался в архивах,

просматривал старые афиши, фотографии, программки, читал многочисленные письма, книги, искал в фильмотеках старые пленки. Потом он стал добиваться возможности снять те миниатюры, которые ему хотелось. А некоторые из них мы играли в текущем репертуаре и не могли их отдавать в кино — они сразу «амортизировались» бы. Спектакль идет три часа, а полнометражный фильм — полтора. В течение этого короткого времени надо было обо многом рассказать. Режиссеру казалось интересным все...

Наконец был написан сценарий. Одной из задач было сохранить атмосферу театра — кулисы, небольшую сцену, зал, реакцию публики. Хотелось, чтобы специфика кино не убивала театральную условность, а, наоборот, помогла бы ее раскрыть.

И вот на репетиции появилась киногруппа — около десяти (!) человек, чья творческая жизнь с этого времени должна была идти параллельно нашей.

Сначала это мешало. Труд актера можно разделить на две фазы: первую, которую не

Не знаю, как зрителям, а мне самому было очень интересно увидеть это на экране впервые. В фильм вошли поиски, варианты, находки, остающиеся «за сценой», — лаборатория творчества. Показаны и зрительные залы. Актер и зритель — части одного целого. Это целое называется театр. Актер и зритель помогают друг другу, сочувствуют, взаимно доставляют радость или огорчение. В первый раз я увидел лица своих зрителей крупным планом — каждое в отдельности. Могу сказать откровенно: они мне очень понравились!

Многое не вошло в фильм — осталось до следующего раза — мы решили продолжать наше содружество.

То, что снято, через много лет вдруг приобретает особый интерес. Я, например, был поражен, увидев разыгранный В. Катаняном кусок кинохроники времен Отечественной войны. Мы выступали на прифронтовом аэродроме под Новороссийском. Это было двадцать пять лет тому назад.

Где был оператор, я не помню. Но я сразу вспомнил этот концерт прямо на открытом воздухе. Вспомнил, как летчики во время моего выступления садились в самолеты и улетали на боевые задания. Аэродром жил своей жизнью. Эпизод, снятый неизвестным мне оператором, длится всего несколько минут, но в нем — часть большой фронтовой работы театра. Мы прожили в Геленджике, возле занятого врагом Новороссийска, несколько месяцев. Выступали перед моряками, летчиками, частями Красной Армии. Были у подводников, в отрядах торпедных катеров, у десантников, у легендарного, живого еще тогда, бесстрашного аса, героя Токарева, вскоре погибшего в бою... Многое вспомнилось мне в короткие минуты эпизода, мелькнувшего на экране. Вспомнил я, как мы играли на базе подплава и уже заканчивали спектакль, а нашу публику вдруг слозно ветром сдуло — все побежали встречать товарищей, которых уже никогда не надеялись увидеть. Вернулась подводная лодка, пропавшая без вести. Она пролежала на дне, поврежденная глубинными бомбами. Но морякам удалось исправить повреждения и всплыть. Команда подлодки во что бы то ни стало хотела посмотреть спектакль. Мы ждали, пока ребята брились и приводили себя в порядок. Наконец, они вошли в зал, очень бледные, но счастливые тем, что выполнили задание и остались живы. Как все кричали «ура», и мы в том числе, когда они появились в дверях! Мне кажется, что никогда я не играл с таким вдохновением, как в том концерте. И теперь все это пронеслось передо мной снова. Великое дело — кино!..